

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В РАКУРСЕ КОЛЛЕКТИВНОГО «МЫ»

В. С. Комаровский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема национально-государственной идентичности современной России в ракурсе коллективного «мы», поисков концептуального видения основополагающих для жизни начал бытия и развития российского социума.

Ключевые слова: политическая, национально-государственная, национально-цивилизационная идентичность, нация-государство, воображаемое сообщество, советский народ.

Abstract: the article considers the problem of national-state identity in contemporary Russia from the perspective of the collective «we», searches conceptual vision fundamental to the life of the beginnings of life and development of the Russian society.

Key words: political, national state, national-civilized identity, nation-state, imagined community, Soviet people.

Гигантские политические, социальные и информационные изменения, произошедшие в мире на рубеже XX и XXI в., заставили по-новому взглянуть на многие понятия и явления, долгое время казавшиеся постоянными и неизблемыми. К их числу, несомненно, относятся и идентичность. Традиции, обычаи, образ мыслей и действий, ценности и нормы – все то, что позволило человеку и обществу идентифицировать, отождествлять себя с себе подобными (или выделять себя среди других) – пришли в движение, потеряли свою прежнюю устойчивость и определенность.

Для России, которая менее двух десятков лет назад сменила вектор своего общественного развития, задача определения новых координат и ориентиров движения вперед особенно актуальна.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток эмигрантов, смена поколений, гигантский разрыв между бедными и богатыми, наследие распада СССР и многие другие факторы делают процесс политической идентификации России¹ чрезвычайно сложным

¹ При характеристике проблемного поля идентичности (идентификации) во взаимосвязи с политикой специалисты в качестве ключевых используют три термина: политическая идентичность, национально-государственная идентичность, национально-цивилизационная идентичность. Выбор того или иного из них в качестве основного, исходного зависит как от ракурса анализа, так и состояния самого объекта. В данной главе речь идет в основном о политике государства в сфере идентификации и ее восприятии гражданами страны. Это и определило терминологические предпочтения автора. Чаще всего такой ракурс анализа характеризуют в терминах «макрополитическая идентичность» или «национально-государственная идентичность».

и актуальным. От того, как идентифицирует себя Россия, какой вектор развития выберет, в конечном счете зависят как ее отношения с другими странами и народами, так и внутривнутриполитическая, социальная и духовная жизнь страны, поскольку именно политическая идентификация определяет общий смысл жизни нации-государства, служит укреплению солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает ценностные координаты политических действий.

Одними из теоретических ответов на вызовы политической идентичности (идентификации) являются формирование и развитие концепта «нация-государство» (политическая нация, гражданская нация – Ю. Хабермас, многонародная нация – И. Ильин, В. Тишков – применительно к России). При любом подходе политическая нация – это не государство, и не население государства – «демос», и даже не просто гражданское общество. Это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью.

Такого рода общность не сводится к формальному обретению паспорта и не может произвольно конструироваться кем бы то ни было. Она возникает как результат сложных процессов, в ходе совместной жизнедеятельности людей, что, конечно, не ставит под вопрос необходимость соответствующих усилий со стороны политических элит, государства по формированию политической идентичности страны, коллективного «мы».

Определенная ограниченность использования концепта «нация-государство» применительно к

России связана с тем, что Россия уже *не империя, но еще и не политическая нация*. Поэтому дополнительным (а в ряде случаев и более адекватным) представляется анализ процессов идентичности (идентификации) в рамках теоретических конструкций макрополитической, национально-цивилизационной идентификации, исходя из того, что в крупных региональных державах в постимперский период возникают серьезные проблемы в ходе формирования гражданской нации, во многом связанные с альтернативной Западу цивилизационной природой этих стран. Этот тип трансформации обусловлен возможностью компенсировать «недоформированность» национального государства за счет ресурсов культурно-цивилизационной консолидации, обладание которыми выступает ключевым отличительным признаком принадлежности к этому типу. В сфере политической самоидентификации формализм гражданской идентичности дополняется содержательной самоидентификацией с самобытной культурой и «традиционной» цивилизацией [1, с. 136]. Исходя из этого, общероссийская идентичность будет, скорее всего, формироваться в первую очередь как локалистская национально-цивилизационная идентичность.

Национально-государственная идентичность характеризуется тремя кластерами общих представлений и убеждений: коллективное «мы», значимые другие (страны друзья-соперники) и историческое прошлое. Хотя все три кластера связаны между собой, каждый из них может быть подвержен отдельному анализу². В нашем случае речь идет о коллективном «мы».

Коллективное «мы» существует в виде общих принципов, убеждений, норм и ценностей, определяющих основу совместного общежития населения страны, служащих основанием политической общности граждан, источником легитимности и суверенитета государства, лояльности граждан этому государству. Нация-государство в этом кластере представлена как идеальная и духовная целостность, «воображаемое политическое сообщество» (термин Б. Андерсона), определяющее вектор и задающее координаты деятельности политических акторов в настоящем и будущем.

Есть достаточно оснований утверждать, что в России существует (хотя и недостаточно прочная) реальная общность ее граждан на основе историчес-

ких и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка. Эта идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство.

В массовом сознании ведущее место занимают однотипные смыслообразующие жизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни. В своей совокупности они характеризовали тип «среднего» россиянина (русского) как человека, готового к самым неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности, видящего свое призвание не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение. Устоять и выжить в условиях радикальных изменений и сопутствующего им глубочайшего кризиса 1990-х гг. русскому человеку помогали в основном смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость [2].

Одной из доминантных особенностей сознания россиян является их представление о роли и функции государства. Для них это не только политико-правовой, но и социальный институт, непосредственный участник экономической и социальной жизни. Но при этом большинство россиян отдают предпочтение все-таки обществу равных возможностей над обществом равных доходов. Вопреки расхожим мнениям о склонности россиян подчиняться авторитарным лидерам, большинство разделяет ценности демократии, хотя это весьма редко трансформируется в активное политическое участие, что не в последнюю очередь связано с низким уровнем самоорганизации российского общества, а также жизненными условиями большинства россиян, когда многие из них основные усилия вынуждены направлять на то, чтобы как-то «свести концы с концами». Не стимулирует их политическую активность и сложившаяся политическая система.

Сразу оговоримся, что национально-государственная идентичность не является ни единственной и не обязательно доминирующей в структуре идентификационных предпочтений нации, тем более отдельных ее сегментов, территорий проживания. В политическую науку прочно вошло понятие многоуровневой, многосоставной идентичности. Наряду с политической, существуют этнокультурная, региональная, религиозная идентификации. Любая из социальных идентичностей при определенных обстоятельствах вторгается в политическую сферу, претендуя на ведущую роль. Это и понятно. Регионы России в ряде случаев резко отличаются друг от

² Есть все основания утверждать, что заключенный недавно в Астане договор о создании Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана отражает не только экономические приоритеты России, но и геополитические («значимый другой»), соответствует представлению о коллективном «мы», способности находить общий язык и с европейской (Белоруссия), и с азиатской (Казахстан) державой.

друга по целому ряду параметров, имеющих основополагающее значение для формирования единой общероссийской идентичности: национальному составу населения, религии, уровню жизни, типу социальных связей, обычаям и традициям. Немалая часть жителей национальных республик идентифицируют себя прежде всего как носителей определенного этнического начала [3]. В последние годы оживились националистические настроения и среди русского населения страны, о чем, в частности, говорят демонстрации под лозунгом «Россия – для русских». Эти лозунги находят отклик у значимого сегмента русскоязычного населения. Особую остроту национальной проблематике придает тот факт, что довольно часто национальный фактор, национальные различия пересекаются с имущественными и регионально-поселенческими. В России очень высокий уровень различия доходов бедных и богатых слоев населения (по различным оценкам доходы 10 % самых обеспеченных россиян в 17–20 раз превосходят доходы 10 % самых бедных россиян). Эти различия имеют еще и ярко выраженный поселенческий характер. Жители больших городов, административных центров России живут несравненно лучше, чем жители малых городов и сельских поселений, что формирует разный образ жизни и различную систему ценностей.

Одна из наиболее серьезных проблем формирования общероссийской идентичности – выбор модели и главного вектора, основной сакральной идеи, указывающей путь движения вперед.

Исторически «воображаемое сообщество», коллективное «мы» России формировалось как по модели нации-государства, так и особой цивилизации. При этом имперская и национальная идентичности не только не конкурировали, но и дополняли друг друга. Нечто аналогичное наблюдалось и в советский период российской истории. Формула «советский народ как новая историческая общность» фактически совмещала две модели воображаемого сообщества: идея нации была интегрирована в матрицу цивилизационной идентичности при верховенстве марксистско-ленинской идеологии. Тем не менее гармония составляющих национально-государственной и цивилизационных моделей не была абсолютной. В разные периоды на передний план выходила то одна, то другая составляющая, что можно было наблюдать даже в короткий (по историческим меркам) постсоветский период. В настоящее время акцент сделан на цивилизационной составляющей идентификации, исходя из того, что Россия – это государство-цивилизация, подобно Китаю и Индии. Она занимает особое положение между Европой и Азией, являясь не только промежуточным географическим про-

странством, но и политическим, социокультурным, органичным образом соединяя в единое целое новые элементы европейской и азиатской культуры, ценностей, политико-государственного и социального устройства. Россия – страна со своей тысячелетней историей, традициями и обычаями, образом жизни и ментальностью, заданными в том числе ее географией, природой и историей, особенностями национального характера и уклада жизни. Соответственно, Россия не может быть ни Западом, ни Востоком, копируя модели той или другой стороны. У нас свой путь, что не предполагает, однако, отвержения достижений любой из сторон при обязательности их творческой переработки и адаптации к местным условиям.

Свой путь вовсе не означает, что Россия может игнорировать общечеловеческие ценности, зафиксированные в Декларации прав и свобод человека или общие закономерности развития рыночных отношений и процессов глобализации. В современном взаимосвязанном мире любая страна, которая попытается это сделать, обречена. Проблема для России в другом: как найти оптимальный вариант сочетания этих общемировых закономерностей с национальной спецификой, обогатив их и внося тем самым свой вклад в мировое развитие, найдя свое достойное место среди других стран и народов. В этом ракурсе специфика России состоит в том, что Россия – локальная цивилизация, исторически включающая толерантность в свои системообразующие начала. Она способна представить миру прошедшие испытание временем уникальные образцы социальной ответственности и общественной солидарности в плюралистическом обществе, уважения и принятия многообразия культур и человеческих индивидуальностей. В России на первый план всегда выступала задача не «как жить вместе», а «как жить вместе, не утрачивая различий», признавая многообразие в качестве общественного блага – таков российский цивилизационный алгоритм, способный стать основой взаимодействия и диалога различных социальных образований, государств и цивилизаций [4].

Подводя итоги, можно констатировать: у России есть предпосылки, чтобы заявлять об особом пути своего развития. Но чтобы этот особый путь стал реальностью, нужно, чтобы Россия могла жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, религией. Надо обладать собственным видением ответов на вызовы современного мира.

В прошлом особый путь России находил концептуальное выражение в таких формулах, как «Москва – третий Рим», «Православие – самодержавие – на-

родность». К настоящему моменту власть, политический класс еще не могут предложить обществу переформатированного в соответствии с духом времени концептуального видения основополагающих для жизни начал бытия и развития российского социума, в общественное сознание цивилизационной модели национально-государственной макрополитической идентичности России.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Комаровский В. С., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: ur.apenar@ugf

Тел.: 8 (495) 433-25-62

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. – М., 2012. – Т. 2. – 470 с.
2. Российская идентичность в социологическом измерении : аналитический доклад // Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 9–28.
3. *Жаде* З. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде [и др.]. – М., 2010. – 248 с.
4. Россия в современном диалоге цивилизации. – М., 2008. – 400 с.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Komarovskij V. S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Meritorious Science Worker of Russian Federation

E-mail: ur.apenar@ugf

Tel.: 8 (495) 433-25-62